

© 2009 г. Т.А. Брачун

«МИФ АГРЕССИВНОСТИ» ЧУКЧЕЙ:

ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются причины и особенности конфликтов и «агрессивных» настроений чукчей в борьбе с северными иноплеменниками и «пришлыми людьми» за территорию проживания и ареал кочевья. Отмечается высокая культура организации и стратегии военных действий чукотских воинов в «русско-чукотской войне». Описан образ «пришлых людей», «образ русского», зафиксированный в чукотской мифологии, фольклоре, сказаниях.

Ключевые слова: «немирные чукчи», культура, освоение ландшафтов, ареал этнического способа производства, культура чукчей, «образ русского», «образ иноплеменника».

Войны между русскими и чукчами, а также многочисленные войны чукчей с соседними народами послужили появлению представлений о воинственности, агрессивности и даже жестокости этого народа, что не соотносится с современными представлениями о чукчах, особенно, бытующих в современном фольклоре, где образ чукчи соответствует, скорее, совершенно противоположным стереотипам, среди которых – наивность, доверчивость, покладистость, легкое лукавство и т.д. Вместе с тем данные истории говорят о том, что отношения чукчей с русскими были не всегда мирными, что, в общем, опровергает тезис о «естественном», «безболезненном», «не трагическом» освоении Чукотки императорской Россией. В современной литературе доминирует миф о «мирном продвижении» империи по Сибири и окраинам Азии, что предполагает изначально позитивный настрой аборигенных народов, как к русским, так и к миропорядку, который они устанавливали. По крайней мере, иное мнение или иное направление, рассматривающее военный аспект, до сих пор не находит должного внимания и исследования. При общем игнорировании темы, «пропуске» негативных аспектов взаимоотношений, ее отголоски мы видим в фольклоре чукчей, в мифах и сказаниях, ко-

торые живы до сих пор. И если сюжеты войн нашли свое место в этнической мифологии, значит, они имели и имеют большое значение для чукчей, и до сих пор оказывают существенное влияние на формирование образа «пришлого человека».

Так случилось, что самое первое упоминание о чукчах, по-видимому, относится к 1641 г. в связи с нападением чукчей на сборщиков ясака в районе центральной Колымы. Столкновение было инициировано самими чукчами, причем, за пределами постоянной территории их проживания. Лишь в конце 40-х гг. XVII в. русские казаки добрались до реки Анадырь и основали зимовье. В 1652 г. Семен Дежнев, возглавляющий отряд казаков, завершил строительство Анадырского острога, ставшего форпостом империи на Крайнем Северо-Востоке. Основание острога, безусловно, означало присоединение всего территориального ареала к империи, что подразумевало утверждение законов и установление административного влияния во всем регионе. Но «малые силы» казаков не способствовали быстрому решению проблемы. Присутствие «пришлых людей» сильно повлияло на жизнь аборигенных народов. Ительмены, коряки, юкагиры, отчасти эскимосы демонстрировали миролюбие и охотно сотрудничали с новой администрацией. Чукчи проявили замкнутость, периодически перерастающую во враждебность. Уже на этом, самом раннем этапе, ярко проявилась специфика этноса. Самый многочисленный народ Чукотки в этот период находился в завершающей стадии оформления хозяйственного уклада, что кардинально повлияло на его социальную структуру и культуру. Начиная, примерно, с XV в. чукчи осуществили переход от охоты на дикого оленя к кочевому оленеводству [1, с.18]. Это повлекло за собой процессы тектонического характера. Во-первых, это потребовало иной социальной организации, в которой соседская община становилась сердцевинной социума и звеном хозяйствования. Во-вторых, кочевое оленеводство потребовало формирования иного отношения к ареалу проживания – закрепления территории. Последнее стало причиной повышенной агрессии чукчей, стремящихся закрепить за собой ранее «ничьи земли».

Принимая терминологию Л.Н. Гумилева, что весьма уместно, следует сделать вывод о «высоком пассионарном напряжении» чукотского этноса к моменту появления на его территории русских казаков. Народ перестраивал свой социально-хозяйственный уклад, формировал новый стереотип поведения, а именно: овладение землей, угодьями, пригодными для выпаса оленей и

ее охрана. Приход русских вызвал систематическое сопротивление чукчей. Они наотрез отказывались платить ясак, игнорировали административно-политические полномочия новой власти, вступали с ней в открытые военные конфликты. Напротив, ительмены, коряки, юкагиры видели в новой власти гаранта стабильности и охотно платили ясак и в военных конфликтах с чукчами регулярно принимали сторону русской администрации, усмиряя «немирных» соседей. Период относительно сдержанной политики царской администрации был завершён в 1727 г., когда на Чукотку был послан военный отряд, под руководством казачьего головы Афанасия Шестакова. Усилив свой отряд (он насчитывал около 400 человек) коряками и якутами, А. Шестаков разделил его на две части (вторую часть возглавил Дмитрий Павлуцкий, капитан Тобольского драгунского полка) и углубился на территорию Чукотки «двумя крыльями». С самого начала мало кто верил, что данную демонстрацию силы можно считать началом войны. Скорее всего, это было фактом организованного военного присутствия, в крайнем случае – масштабное полицейское мероприятие. Но разгорелась война, которую следовало бы назвать русско-чукотской войной, типичной войной колониального характера. Весной 1730 г., в ходе крупного боя, был полностью разбит отряд под командованием казака А. Шестакова, который в этом бою погиб. Более успешным полководцем был Д. Павлуцкий, который нанес чукчам несколько ощутимых поражений, активно применяющий стратегию регулярной армии. Череда поражений вынудила чукчей перейти к тактике партизанских действий, и война приняла нескончаемый характер. Даже по самым скромным подсчётам, для того, чтобы усмирить многочисленные партизанские группы чукчей на бескрайних просторах Чукотки, требовалось несколько десятков тысяч солдат. Храбрые воины, чукчи умело использовали свое знание местности и были, фактически, неуловимы. При этом они возобновили регулярные походы против ительменов, коряков, юкагиров и эскимосов, отвоевывая ареал для хозяйственной деятельности.

В середине 40-х гг. XVIII в. война приняла более интенсивный оборот. С 1744 по 1746 гг. на Чукотку было снаряжено три военных экспедиции под командованием «чукотского стратега» Павлуцкого. Гибкие мобилизационные возможности чукчей позволяли им в короткий срок распускать войско на множество мелких групп и быстро, в заданном месте сосредотачивать необ-

ходимое количество воинов. Это, в прямом смысле, сковывало силы русских вокруг опорных пунктов и ограничивало их маневр. Порой поиски противника занимали несколько месяцев, но преследование чукчей в условиях тундры было делом немыслимым. В марте 1747 г. в районе Анадырского острога чукчи полностью разбили и рассеяли отряд Павлуцкого, ставшего за время войны «злым духом» для чукчей. Сам Павлуцкий погиб, фуражный обоз, знамя отряда, вооружение и снаряжение были захвачены чукчами. Это существенно увеличило возможности их войска. В ходе боевых действий они неоднократно захватывали трофеи и быстро обучились владению ружьем. Каждая победа чукчей обогащала их войско и способствовала его перевооружению. После поражения на Чукотку были направлены новые силы регулярной армии, но это лишь приводило к новым жертвам.

В 1763 г. подполковник Фридрих Плениснер, новый комендант Анадыря внес предложение расформировать Анадырскую партию (вывести гарнизон, демонтировать фортификационные сооружения). Содержание ее обходилось слишком дорого, к тому же присутствие на территории Чукотского полуострова не способствовало усмирению чукчей, равно как и прекращению межэтнических войн. В 1771 г. вывод войск был завершен, а крепость Анадырь была разрушена. Миссия русских завершилась поражением. А уже в течение нескольких последующих лет чукчам удалось вытеснить своих соседей за пределы угодий, пригодных для оленеводства. Последующие указы и распоряжения относительно чукчей имели примирительный характер. По Указу 1822 г. они включались в подданство России, а уплата ясака объявлялась добровольным делом. В это время начался мирный, «коммерческий» период освоения Чукотки. Фиксирование внимания на исключительно мирной стороне развития взаимоотношений с коренными малочисленными народами Севера, на наш взгляд, является «пережитком» марксистско-ленинской историографии и этнографии. Ленинская национальная политика не развивала тезиса о «хищнической», «захватнической» национальной политике царизма, придавая национальным взаимоотношениям изначально мирный, дружественный характер. Действовал принцип: «даже если национальная политика русского царизма и была агрессивной, за что царизм следует критиковать, это не мешало народам самостоятельно развивать хорошие отношения между

собой». Тем самым выгодно подчеркивалась идея советского государства как интернационального, идея государства как «семьи народов».

Другая сторона проблемы – действительное отсутствие системного и повсеместного сопротивления. По-настоящему «непокорными» были немногие народы. Об этом свидетельствует и история Северо-Востока России, где власть царя охотно приняли ительмены, коряки, юкагиры. Лояльность к новому порядку проявили эскимосы. По крайней мере, эти народы не вели долгих войн. Они видели в новой власти (никакой иной государственной власти здесь до этого не было) избавление от развивающейся чукотской агрессии, гарантию будущей стабильности, и не только приняли ее и все условия подданства, но и поддерживали ее в войне с чукчами. Несистематическое проявление агрессии у некоторых народов привело к развитию идей военной антропологии. Появление концепции «человека воюющего» («*homo belli*»), агрессивного настроенного в повседневности, отчасти объясняет этот феномен [2, с. 10,12]. Действительно, существовали и существуют культуры, которые весьма недоброжелательно воспринимают внешнюю среду, иногда рассматривают ее как средство приобретения материальных благ, формируя при этом доктрины этнического элитаризма. В них сильно развиты элементы милитаризма, специфического коллективизма, а мир их ценностей переполнен идеями и мифами о доблестном поведении, жертвенности во имя собственного народа, стремлением к подвигу. Но такой стереотип поведения этноса не является статичным и зафиксированным на многие века. Такое массовое поведение этноса имеет свое объяснение и является лишь частью «поведенческой истории», временной особенностью этногенеза.

Уже говорилось о причинах поведения «немирных чукчей», как по отношению к русским, так и по отношению к соседям. Переход к производящей экономике, к технологии кочевого оленеводства потребовал пересмотра этнических представлений о пространстве. Мифология северных этносов рассматривает мир как нечто, не имеющее границ, кроме естественных, природных. Безбрежные просторы Чукотки, при малом населении, давали жизненное пространство всем без ограничений. Такой миропорядок существовал тысячелетия, пока потребности первобытности, скудные в своей сущности, удовлетворялись охотой. Переход же к кочевому оленеводству кардинально изменил мировоззрение и стереотип поведения этноса. Одомашненное стадо

олений не истребляется «под корень» удачливым охотником, а систематически возделывается пастухом-оленеводом. Стадо должно иметь свой кочевой ареал, маршруты кочевий которого стабильны из года в год и прокладываются по сезонам. Это стадо рассматривается как собственность, как нечто, что принадлежит определенной общности людей. Следовательно, оно охраняется, равно как охраняется ареал кочевья. Это немедленно видоизменяет отношение к пространству, а этнос приступает к освоению этого пространства, как своего. Таким образом, появление и оформление специфического этнического способа производства, изменяет не только социальную картину этноса, но и этническую доктрину пространства. Этнос начинает претендовать на «свое место под солнцем», приобретает право на его защиту. Таким образом, богатая военная культура чукчей свидетельствует не об их «пустой» ничем не оправданной агрессивности, не какой-то этногенетической особенностью, объясняющей их склонность к войне, а спецификой генезиса хозяйственной культуры, перекраивающей не только социум, но и мировоззрение и стереотип поведения. Совершенствование хозяйственной культуры способствовало усложнению этнической системы. Социального уклада и социальных связей. Чукчи первыми перешли к производящей экономике, и, фактически, «на глазах» цивилизации продемонстрировали процесс культурного освоения пространства, превращение его в «страну чукчей».

Более высокая культура военных действий чукчей многократно зафиксирована в исторических и этнографических источниках. О ней мы можем судить и по данным фольклора. Так И.С. Вдовин анализирует одно из преданий коряков об обороне Олюторского Большого посада и приводит интересные данные. Бой продолжался долго, делился на несколько этапов, в ходе которых коряки атаковали русских из засады. При этом их было достаточно много и они значительно превосходили числом русских. Однако предводитель коряков по имени Кымманяк, посылал в бой отдельные группы людей, родственников. Их русские и разбивали по очереди [3, с.19]. Войско, устроенное по родовому принципу, не могло одержать победы над подразделением регулярной армии, поскольку сама тактика боя выстраивалась с учетом кровно-родственных связей, что существенно ограничивало его возможности и управляемость. В военной организации чукотского этноса просматривается целый ряд особенностей, свидетельствующих о более высокой культуре. Фольклор чукчей, а также эс-

кимосов, коряков доносит до нас некоторые сведения, весьма недостоверные, но достаточные для установления некоторых фактов. Так межэтнические войны на Северо-Востоке Евразии имели важную особенность. Особенность эта заключается в ритуализации войны, в подмене открытого сражения неким ритуалом. Речь идет о поединке воинов-героев.[4, 5, 6]. Когда войско готово и все приготовления к бою, а также ритуалы и переговоры были позади, по взаимной договоренности, противники могли выставить для поединка двух самых искусных воинов. Этот поединок не предварял сражения, а зачастую решал исход боя. Такой итог удовлетворял обе стороны, поскольку массовое кровопролитие предотвращалось пусть тоже кровавым, но все же частным поединком. К тому же данный поединок не всегда завершался смертью. Практика единоборств настолько импонировала чукчам, что они предлагали ее и русским в ходе боевых действий, и некоторые стычки с русскими, по предварительной договоренности, ограничивались именно единоборствами наиболее искусных и знаменитых воинов. Об этом в своих исследованиях упоминает В.Г. Богораз [7]. Конечно, не все сражения между чукчами и их противниками ограничивались частным, ритуальным боем, но когда было именно так, то это следует рассматривать как замысловатую военную хитрость.

Дело в том, что чукчи, самый многочисленный народ Чукотки, всегда знали о своем численном преимуществе, и могли манипулировать этим обстоятельством, извлекая из него тактическую, а иногда и стратегическую выгоду. Ведь частное поражение одного воина позволяло выиграть время, перегруппировать силы, и в нужный момент нанести неожиданный сокрушительный удар. Кроме того, частный поединок не снимал, сам по себе, ни военного присутствия, ни военного давления на противника. Манипуляция этим обычаем приносит наибольшую выгоду именно более многочисленной, организованной и мобильной армии. Выгодный стратегический перевес давал и другой обычай, описанный В.Г. Богоразом [7, с. 167]. Это обычай выставлять для битвы равное количество воинов. Более организованные и мобильные, чукчи могли пользоваться этим обычаем, извлекая из него существенное преимущество. Так, например, предложение выставить тысячу воинов с каждой стороны было абсолютно неприемлемо для малочисленного противника. Это обстоятельство служило важным «козырем» при ведении дальнейших переговоров и извлечении из них искомого результата без боя. Разумеется, война,

сама по себе, «развязывает руки» противоборствующим сторонам. Всегда, в любой войне, настоящим искусством считался внезапный удар, внезапный маневр, приносящий тактическое преимущество, а также умелое использование рельефа местности и, что самое главное – численного преимущества. Нельзя абсолютизировать первобытный обычай и полагать, что все военные действия оговаривались противниками, подобно современным секундантам, оговаривающим предварительно боксерский поединок.

Любая эпоха формирует не только определенную военную культуру, но и сам стиль ведения войны. Это определяется тем, каковы доминирующие цели, что люди защищают и на что претендуют. Чукчи, зачинщики войн Крайнего Северо-Востока, были вынуждены оборонять формирующийся ареал хозяйствования. Они были «законодателями мод» ведения военных действий, но никогда их войны не оборачивались геноцидом. Порой, для закрепления того или иного ареала, было достаточно демонстрации силы, порой, враг не проявлял упорства и соглашался с требованиями, порой, конфликт принимал неразрешимый оборот, и массовое кровопролитие было неизбежным. Результатами войн были территории, пригодные для оленеводства, отвоеванные раз и навсегда, запретные для охоты и проживания иноплеменников. Результатами войн были и пленники, часто превращаемые в рабов. Но массового рабства не было. Как правило, дело ограничивалось использованием рабского труда в доминирующем виде хозяйствования – оленеводстве. Раб обеспечивался одеждой и питанием и выполнял указания хозяина стойбища. Первобытные войны не знали фортификационных сооружений, специальной боевой техники, они не велись на уничтожение. Достижение первоначального результата, либо слишком большие потери были сигналом для прекращения боя или боевых действий, в целом. Порой было достаточно самого состоявшегося боя. Но часто позор поражения смывался массовым самоубийством. [8, с. 728; 5, с. 29; 6, с. 175, 205]

Следовательно, «избыточная воинственность» чукчей, которая была проявлена в период появления русских на Чукотском полуострове, объясняется целым рядом объективных причин этногенеза и не связана с, так называемой, «врожденной агрессивностью». Чукчи осваивали природный ареал, в связи с переходом к кочевому оленеводству и стремились закрепить его за собой посредством военной силы. «Ничья земля» первобытных охотников, в период формирования этнического способа производства, нуждалась в постоянной

охране. Это и было причиной инициирования многих войн и столкновений. Чукчи не проявляли особой агрессии по отношению к русским, они отвоевывали и формировали свой ареал до их прихода и продолжали это делать после. Сложные взаимоотношения с «пришлыми людьми» объяснялись все теми же причинами. Свободный народ, ведущий самостоятельное хозяйство, не желал попадать в зависимость к «белому царю», не имеющему на Чукотке в то время никакого влияния. Платить ему дань за право жить на своей собственной земле, было неприемлемо для них. Это было сродни тому, чтобы вновь пустить на отвоеванные угодья иноплеменников и позволить им охотиться на одомашненных оленей. Война с русскими была естественным ответом на колониальную политику царизма. Войны чукчей за территорию, пригодную для кочевого оленеводства нашли свое отражение в фольклоре. Народ, не имеющий письменности, фиксировал свою историю в устном народном творчестве. Конечно, устное народное творчество, имеет свои ограничения и преимущества, однако оно имеет колоссальное значение для исследователя, поскольку в нем отражены основные ценности формирующейся культуры, новых стереотипов поведения. Главным лейтмотивом народного эпоса становится война, с ее динамичными сюжетами, рельефными героями и поучительными сентенциями. Эти сюжеты постепенно вытесняют архаические сказания о «первогероях», великанах, животных-монстрах, с которыми ведется борьба. В структуру сказания органически вписывается сама «правда жизни», то есть, то, что на самом деле было, пусть даже при изрядной творческой переработке автора. Сюжеты становятся более реалистичными, а героями – реальные люди. Не смотря на то, что эти вполне реальные герои «двигали плечом горы», «в одиночку разгоняли вражеское войско», одним своим видом устрашали врага» и т.д., народные сказания формировали новые, приемлемые ценности бытия этноса. Они выстраивали стереотипный образ коварного врага, борьба с которым, неизбежная и неотвратимая, служила делу строительства оснований, фундамента этнической идеологии.

Образы северных иноплеменников рисуются вполне примитивными «мазками». Они приблизительны, их черты неопределенны. Они фантастически жестоки и трусливы. Сказание о них подчеркивают основную тенденцию «чукотских войн», то есть вытеснение иноплеменников из благоприятных территорий, «изгнание» врага. Образ северного иноплеменника полностью

отождествляется с неблагоприятной стихией природы. В сказаниях они не называются людьми и любая победа над ними описывается как абсолютно закономерный и неизбежный результат, как высшая справедливость. Наиболее полно, до мелких подробностей описан образ русского. В сказаниях отмечается, что русский «одет в железо», имеет обильную растительность на лице и «железные глаза» или «глаза как льдины». Голубые, серые и зеленые глаза русских имеют особое значение в чукотской мифологии. Это глаза «замороженные», холодные, не совсем глаза человека, глаза жестокого, бездушного человека, которому нельзя доверять. Высмеивается алчность русских, их необъяснимое стремление овладеть как можно большим количеством пушнины. Особое внимание уделяется их «торгашескому» поведению, готовностью поменять на шкурку песца все, что угодно. В сказаниях говорится, что они пришли издалека, числом они невелики, но искусно и стойко воюют. Жестокость русских сильно преувеличена, вплоть до того, что им приписываются элементы геноцида, то есть, полного истребления чукчей. Отмечается и то, что коряки, юкагиры, эскимосы быстро покорились русским и воюют на их стороне. Особое место в сказаниях уделяется «чукотскому антигерою» капитану, а затем – майору Павлуцкому, а также образу казака. И тот и другой не обладают позитивными «человеческими» чертами и вселяют ужас. Однако образ русского в чукотских сказаниях – это образ человека.

Причины конфликтов с северными иноплеменниками в народных сказаниях чукчей очевидны. Чукчи воюют с грабителями, «воришками», с теми, кто мешает жить и вести хозяйство, кто занимает их территорию, кто беспокоит мирных оленеводов. Таким образом, любая война с ними стандартно и объективно аргументируется вполне понятными и объяснимыми причинами. Причины же войны с русскими совершенно не ясны. «Как-то так получилось». В сказаниях говорится, что русские имеют свое высшее предназначение. Они пришли в земли чукчей для того, чтобы торговать, они принесли с собой соль, железо, вкусную и питательную крупу, чудесный напиток чай, сладости. Так бы и шло, тем более что русские много не просили взамен, им требовалась лишь пушнина, к которой они питали слабость, и которой было в изобилии. Но потом происходит то, что не имеет объяснения. Русские изымали часть пушнины, не оставляя ничего взамен (взимали ясак). Они приходили в ярость, когда чукчи отказывались от такого неравноценного мена. Непокорность чук-

чей оставалась проблемой для русских еще достаточно длительное время. Нельзя утверждать, что этот народ был сломлен военной силой. Вплоть до второй половины XIX в. чукчи платили ясак «как пожелают». Но цивилизация всегда берет верх. Непокорность чукчей постепенно, как проблема политическая, отходила на второй план. Как это часто бывает, экономика «помирила» «немирных чукчей» с русскими. Развивающаяся меновая торговля позволила с лихвой возместить ущерб казны от войны на Крайнем Северо-Востоке.

Литература

1. *Задорин В.И.* Триумф и падение эпохи Антонины Кымытваль и ее чукотского народа // Северо-Восточный научный журнал. 2009. № 1.
2. *Сенявская Е.С.* Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков. Н. Новгород, 2000.
3. *Вдовин И.С.* О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Фольклор и этнография. Л., 1970.
4. *Антропова В.В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири. М.-Л., 1957. Вып. 2.
5. *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.
6. *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII–начало XX в.). СПб., 2003.
7. *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934.
8. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949.